



Жорж
Сименон



МЕГРЭ
КОЛЕБЛЕТСЯ

Комиссар Мегрэ

Жорж Сименон
Мегрэ колеблется

«Азбука-Аттикус»

1968

УДК 821.133.1
ББК 84(4Бел)-44

Сименон Ж.

Мегрэ колеблется / Ж. Сименон — «Азбука-Аттикус»,
1968 — (Комиссар Мегрэ)

ISBN 978-5-389-15428-5

Предлагаем вашему вниманию повесть Ж. Сименона «Мегрэ колеблется». Комиссар Мегрэ носит давно вышедшие из моды котелок и пальто, не расстается с трубкой, предпочитает дождливую погоду, обожает греться у огня и ходить, заложив руки за спину. Мрачный, немногословный, он обладает редким даром внушать доверие, ему известны тайные пружины человеческой драмы. Разгадывая самые сложные преступления, распутывая самые причудливые интриги, Мегрэ руководствуется одним безотказным принципом: чтобы найти виновных, нужно прежде всего понять смысл их поступков...

УДК 821.133.1
ББК 84(4Бел)-44

ISBN 978-5-389-15428-5

© Сименон Ж., 1968
© Азбука-Аттикус, 1968

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Жорж Сименон

Мегрэ колеблется

Georges Simenon
MAIGRET HESITE

Copyright © 1968, Georges Simenon Limited
GEORGES SIMENON ®
MAIGRET ® Georges Simenon Limited
All rights reserved

Перевод с французского Н. Брандис, Э. Шрайбер

Серия «Иностранная литература. Классика детектива»

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство Иностранка ®
© Н. Брандис (наследник), перевод, 2017
© Э. Шрайбер, перевод, 2017

* * *

Глава 1

- Привет, Жанвье!
- Доброе утро, патрон!
- Здорово, Люка! Здорово, Лапуэнт!

При виде Лапуэнта Мегрэ не мог сдержать улыбки. И не только потому, что юноша вырядился в новенький, прилегающий в талии светло-серый в красную крапинку костюм. В это утро улыбались все: на улицах, в автобусах, в магазинах.

Накануне было пасмурное воскресенье с налетавшим ветром и холодным дождем, как посреди зимы, и вдруг уже на другое утро – четвертого марта – люди проснулись и увидели, что наступила весна.

Правда, солнце еще несколько хмурилось, а небесная лазурь казалась совсем хрупкой, но весеннее настроение разливалось в воздухе и светилось в глазах прохожих – словно каждый чувствовал себя соучастником этой радостной перемены, вдыхая соблазнительные запахи утреннего Парижа.

Мегрэ явился без пальто, проделав добрую часть пути пешком, а войдя в кабинет, сразу же приоткрыл окно. Сена засветилась новыми красками: ярче стали багровые полосы на трубах буксиров и блестели на солнце свежевыкрашенные баржи.

Комиссар заглянул в комнату инспекторов:

- Что, ребята, начнем?

Это называлось «маленьким рапортом», в отличие от большого, настоящего, на который ежедневно в девять утра собирались у шефа руководители бригад. А пока Мегрэ был в обществе своих ближайших сотрудников.

- Ну, как вчера провел день? – спросил он у Жанвье.
- У тещи в Вокрессоне, вместе с детьми.

Лапуэнт, смущенный своим преждевременно надетым новым летним костюмом, держался в сторонке.

Мегрэ расположился за своим рабочим столом, набил трубку и стал разбирать почту.

- Это тебе, Люка... По делу Лебур...

Другие документы передал Лапуэнту:

- Отправить в прокуратуру...

Рано было говорить о листве, но на деревьях, окаймлявших набережную, были намеки на бледную зелень.

В те дни не разбиралось ни одного крупного дела, которое привело бы в коридоры Дворца правосудия полчища журналистов и фотографов и вызвало бы властные телефонные звонки из высоких сфер. Заурядные дела... Текучка...

– Какой-то психопат или психопатка, – заключил Мегрэ, беря конверт, на котором его имя и адрес полиции были выведены печатными буквами.

Конверт был белый, совсем необычный, роскошный. На марке стоял штемпель почтового отделения на улице Миромениль. Вынув письмо, комиссар прежде всего подивился бумаге: веленевая, толстая, хрустящая, необычного формата. Должно быть, сверху срезали полоску, чтобы убрать тисненый гриф с указанием фамилии и адреса. Работа была проделана старательно, с помощью линейки и острого лезвия. Текст, так же как и адрес, был написан печатными буквами.

- А может быть, и не псих, – пробормотал Мегрэ.

Господин дивизионный комиссар, я не знаю Вас лично, но все, что я читал о Ваших расследованиях и Вашем отношении к преступникам, внушает

мне доверие. Это письмо Вас удивит. Не торопитесь бросить его в корзину для бумаг. Это не забавная шутка и не затея маньяка.

Вы знаете лучше меня, что действительность не всегда правдоподобна. Скоро должно произойти убийство, точнее, через несколько дней. Быть может, его совершит человек, которого я знаю, а может быть, и я сам. Пишу Вам не для того, чтобы предотвратить драму. Она в каком-то смысле неизбежна. Мне просто хочется, чтобы, когда это случится, Вы были в курсе дела.

Если Вы примете мои слова всерьез, не откажитесь поместить в отделе объявлений «Фигаро» или «Монд» одну строчку: «К. Р. Жду следующего письма».

Не знаю, напишу ли я его. Я слишком взволнован. Некоторые решения принимать очень трудно. Быть может, я когда-нибудь увижу Вас в Вашем кабинете, но тогда мы будем по разные стороны барьера.

Преданный Вам.

Мегрэ больше не улыбался. Нахмутив брови, он еще раз пробежал письмо, потом посмотрел на своих помощников.

– Нет, видно, не псих, – повторил он. – Послушайте!

И медленно прочел, выделяя некоторые слова. Ему приходилось получать немало подобных писем, но чаще всего слог в них был не таким изысканным, а некоторые фразы всегда подчеркивались. Часто они писались красными или зелеными чернилами и содержали много орфографических ошибок.

А здесь рука писавшего не дрожала. Буквы были четкие, без завитушек, без единой помарки.

Мегрэ посмотрел бумагу на свет и прочитал водяные знаки: Морванская веленевая бумага.

Каждый год он получал сотни анонимок. За редким исключением они были на дешевой бумаге, какую можно купить в любой лавчонке. Иногда буквы были вырезаны из газет.

– Никакой явной угрозы... – прошептал он. – Скрытая тревога... «Фигаро» и «Монд» – газеты, особенно популярные среди слоев зажиточной интеллигенции.

Он снова оглядел всех троих.

– Займешься этим, Лапуэнт? Первым делом нужно связаться с фабрикантом бумаги. Вероятно, он живет в Морване.

– Ясно, патрон...

Так началось дело, которое вскоре доставило Мегрэ больше хлопот, чем многие преступления, о которых кричат первые полосы газет.

– Дашь объявление!..

– В «Фигаро»?

– В обе газеты.

Звонок известил о начале рапорта, и Мегрэ с папкой под мышкой направился в кабинет шефа. И сюда через открытое окно доносился городской шум. Один из инспекторов воткнул в петлицу веточку мимозы и смущенно объяснил:

– Их уже продают на улице...

Мегрэ не упомянул о письме. Он с удовольствием курил трубку, равнодушно поглядывая на коллег, поочередно излагавших свои мелкие дела, и мысленно подсчитывал, сколько же раз он присутствовал на этой процедуре. Тысячи раз.

А как он завидовал в молодости своему начальнику, который каждое утро проникал в это святилище. Разве не предел мечтаний – руководить бригадой сыскной полиции? В ту пору

он не смел об этом и думать. Не больше, чем теперь Лапуэнт или Жанвье, чем даже его добрый Люка.

Однако Мегрэ этого достиг и на протяжении долгих лет работы больше об этом не задумывался, но сегодня, в это чудесное утро, когда воздух так благоухал, а люди, вместо того чтобы чертыхаться из-за грохота автобусов, мило улыбались, ему почему-то вспомнились мечты его молодости.

Вернувшись через полчаса, Мегрэ был поражен, застав у себя в кабинете стоявшего у окна Лапуэнта. Модный костюм делал его тоньше, выше и еще моложе. Двадцать лет назад инспектору полиции не разрешили бы ходить таким пижоном.

– Это было проще простого, патрон.

– Узнал имя фабриканта бумаги?

– Жерон и сын. Вот уже три или четыре поколения этой семьи владеют предприятием «Морванская бумага» в Отэне... Это даже и не фабрика, а нечто вроде кустарного производства... Бумага только определенных сортов либо для роскошных книг, особенно стихов, либо для почтовых наборов... У Жеронов не больше десятка рабочих... Судя по тому, что мне сказали, в этих краях еще сохранилось немало таких мастерских.

– Ты выяснил, кто их представитель в Париже?

– У них нет представителя... Они непосредственно связаны с художественными издательствами и двумя писчебумажными магазинами, один на улице Фобур-Сент-Оноре, другой на авеню Опера...

– Фобур-Сент-Оноре? Это тот, что наверху, слева?

– Полагаю, что да, судя по номеру...

Мегрэ часто останавливался у витрины этого магазина. Там были выставлены бланки приглашений, визитные карточки, и можно было прочесть титулы, ставшие теперь непривычными: «Граф и графиня де Бодри имеют честь...», «Баронесса де Гран-Люссак с радостью сообщает...».

Князья, маркизы, подлинные или мнимые, о возможности существования которых никто, вероятно, и не подозревал. Они приглашали на обеды, на охоту, на партию в бридж, сообщали о свадьбе дочери или рождении младенца. И все это на роскошной бумаге.

В другой витрине были выставлены украшенные гербами бювары, переплетенные в сафьян папки для ресторанных меню.

– Не сходить ли тебе туда?

– На Фобур-Сент-Оноре?

– Нет, мне кажется, не там... Скорее, на авеню Опера, у Романа. – Магазин на авеню Опера был не менее аристократическим, но там продавали и авторучки, и обычные писчебумажные товары.

– Ладно, я побежал...

Счастливчик! Мегрэ посмотрел ему вслед, как это бывало в школе, когда учитель посылал одного из его товарищей с каким-нибудь поручением. А у него – ничего интересного. Обычная канитель. Бумажная волокита. Вот теперь составляй нудное донесение для следователя, который подошьет его к другим, даже не читая. Ведь дело давно уже предано забвению.

Дым от его трубки расстился по комнате сизой пеленой. Легкий ветерок с Сены колыхал бумаги. Не успели часы отбить одиннадцать, как в кабинет ворвался жизнерадостный Лапуэнт.

– Проще пареной репы!

– Что ты имеешь в виду?

– Можно подумать, что бумагу эту выбрали нарочно... К слову сказать, писчебумажная торговля принадлежит уже не Роману, он умер десять лет назад, а мадам Лобье – вдове лет

пятидесяти, которая еле отпустила меня... Вот уже пять лет, как она не заказывала эту бумагу: на нее нет спроса... И не только из-за цены. Она не годится для машинописи... Так что покупают ее трое клиентов. Но один из них умер в прошлом году. Граф, владелец замка в Нормандии и конюшни скаковых лошадей... Вдова его живет в Каннах и никогда не заказывает почтовой бумаги... Потом одно посольство... Но прежнего посла сменили, а новый предпочитает другую бумагу...

– Значит, остается один?

– В том-то и дело! Вот потому я и сказал, что проще пареной репы. Речь идет об Эмиле Парандоне, адвокате с улицы Мариньи, который вот уже пятнадцать лет пользуется только этой бумагой и не хочет никакой другой. Это имя вам знакомо?

– Никогда не слышал... Когда он в последний раз заказывал бумагу?

– В октябре прошлого года.

– С тиснением?

– Да. Очень скромным. И как всегда, тысячу конвертов и столько же листов бумаги.

Мегрэ снял трубку:

– Попросите, пожалуйста, Бувье, отца...

Адвокат, которого он знал свыше двадцати лет... Сын тоже принадлежал к адвокатскому сословию.

– Алло! Бувье? Говорит Мегрэ. Я вам не помешал?

– Что вы! Конечно нет.

– Мне тут нужна справка...

– Полагаю, что конфиденциально?

– Да, пусть это будет между нами... Знаете ли вы одного из ваших коллег по имени Эмиль Парандон?

Бувье выразил удивление:

– Какого черта нужно от Парандона сыскной полиции?

– Не знаю. Возможно, что и ничего.

– Так я и думал. С Парандоном мне приходилось встречаться раз пять или шесть за всю жизнь, не больше... Он бывает во Дворце правосудия крайне редко и только по гражданским делам.

– Каких лет?

– Без возраста. Может, сорок, а может, и пятьдесят...

И Бувье тут же сказал секретарю:

– Поищите, голубчик, в адвокатском справочнике дату рождения Парандона... Эмиль...

Впрочем, он там один.

Затем, обращаясь к Мегрэ:

– Вы, должно быть, слышали о его отце. Он, кажется, еще жив, а если умер, то совсем недавно... Профессор Парандон, хирург, светило типа Лаэннека¹, член Медицинской академии, Академии моральных и политических наук и так далее и тому подобное... Фигура! При встрече я вам о нем расскажу. Он приехал из деревни зеленым юнцом: маленький, коренастый, походил на молодого бычка, и не только с виду.

– А сын?

– Сын – юрист, специалист по международному праву, в особенности по морскому. Говорят, в этой области он неуязвим. К нему обращаются со всех концов света и часто просят быть арбитром в делах самого деликатного свойства, когда на карту поставлены крупные состояния.

– Как он выглядит?

¹ *Рене Теофиль Лаэннек* (1781–1826) – знаменитый французский врач, открывший и популяризовавший метод выслушивания больных.

– Неприметный. Я едва ли узнал бы его на улице.

– Женат?

– Спасибо, друг мой. Вот, пожалуйста, нашли год рождения. Сорок шесть лет... Женат ли он? Я только собирался вам ответить, что не знаю, как вдруг меня осенило... Конечно женат... И еще как женат! На одной из дочерей Гассена де Болье. Ну, вы его знаете. Это один из самых наших свирепых судей, выдвинувшихся после Второй мировой войны. Потом его назначили председателем кассационного суда... Теперь в отставке. По-видимому, живет в своем замке в Вандее... Семья очень богатая...

– А больше вы ничего о нем не знаете?

– А чего же вам еще? Мне никогда не приходится защищать таких людей ни в кассационном суде, ни в суде присяжных.

– Часто они выезжают?

– Парандоны? Во всяком случае не туда, где бываю я.

– Спасибо, старина.

– Услуга за услугу.

Мегрэ перечитал письмо, которое Лапуэнт положил ему на стол. Прочитал дважды, трижды и всякий раз все больше хмурил брови.

– Вы понимаете, что все это значит?

– Да, патрон, дерьмовое дельце... Извините за выражение, но...

– Ничего, это еще, пожалуй, слишком мягко. – Знаменитый хирург, председатель кассационного суда. Специалист по морскому праву, который живет на улице Мариньи и заказывает самую дорогую бумагу.

Такой клиентуры Мегрэ опасался. Ему казалось, что он уже идет по краю пропасти.

– Вы думаете, что письмо написал он сам?

– Он или кто-нибудь из домашних. Во всяком случае тот, кто имеет доступ к его почтовой бумаге.

– Любопытно, не правда ли?

Вопрос остался без ответа. Мегрэ задумался, глядя в окно. Обычно люди, посылающие анонимные письма, не пользуются своей почтовой бумагой, да еще такой роскошной.

– Тем хуже! Придется его навестить.

Он поискал в справочнике номер и позвонил по городскому телефону. Женский голос ответил:

– Секретарь месье Парандона...

– Добрый день, мадемуазель... Говорит комиссар Мегрэ из сыскной полиции. Можно попросить месье Парандона? Мне нужно сказать ему несколько слов...

– Подождите, пожалуйста, минутку... Сейчас посмотрю...

До чего же все просто! Не прошло и несколько секунд, как Мегрэ услышал мужской голос:

– Парандон слушает...

В его голосе прозвучал вопрос.

– Я хотел бы вас попросить, месье...

– С кем я говорю? Секретарша плохо разобрала вашу фамилию...

– Комиссар Мегрэ...

– Ах! Теперь мне понятно ее удивление... Она, должно быть, расслышала имя, но не могла себе представить, что звоните действительно вы... Очень рад слышать ваш голос, месье Мегрэ... Мне часто приходилось думать о вас... Бывали случаи, когда мне хотелось написать вам, чтобы узнать ваше мнение по тому или иному вопросу... Но, зная, как вы заняты, я не решался...

Голос Парандона звучал почти робко, но еще более смущен был сам Мегрэ. Он чувствовал, что попал в довольно глупое положение с этим бессмысленным письмом.

– Вот видите, а мне пришлось вас побеспокоить. Да еще из-за какого-то пустяка... Но лучше бы поговорить с глазу на глаз... Я должен показать вам один документ...

– Когда вам угодно?

– У вас найдется свободная минутка сегодня днем?

– В половине четвертого вас устроит? Признаюсь, у меня привычка вздремнуть после обеда, иначе я чувствую себя не в своей тарелке.

– Договорились! Я приеду в половине четвертого. Благодарю за любезность...

– Это я должен себя поздравить с таким гостем.

Повесив трубку, Мегрэ так оглядел Лапуэнта, будто очутился в другом мире.

– Он не был удивлен?

– Ни в коей мере... Даже вопросов не задавал... Вроде бы счастлив со мной познакомиться... Меня только занимает одна деталь... Парандон сказал, что много раз хотел мне написать, чтобы узнать мое мнение... Но ведь он занимается не уголовными делами, а только гражданскими. Его специальность – морской кодекс, в котором я ни черта не смыслю. Узнать мое мнение? О чем?

В этот день Мегрэ решил сплутовать. Он позвонил жене и сказал, что задерживается на работе. На самом же деле ему хотелось кутнуть в честь первого солнца, позавтракать в пивной «Дофин» и пропустить аперитив прямо у стойки.

Если его и ожидало дерьмовое дельце, как выразился Лапуэнт, то начиналось оно тем не менее довольно приятно.

Мегрэ доехал на автобусе до Елисейских Полей, потом прошел метров сто пешком по улице Мариньи и за это время встретил не меньше трех лиц, показавшихся ему знакомыми. И тут только он сообразил, что идет вдоль садовой решетки Елисейского дворца и что квартал этот находится под круглосуточным наблюдением. Ангелы-хранители тоже его узнали и приветствовали чуть заметным, скромным, но почтительным кивком.

Дом, в котором жил Парандон, был просторным, крепким, построенным на века. По обеим сторонам ворот красовались бронзовые фонари. Сквозь стеклянную дверь Мегрэ увидел не обычную привратницкую, а настоящий салон со столом, покрытым сукном, как в министерстве.

И даже тут оказалось знакомое лицо, некий Ламюль или Ламюр, долго работавший на улице Соссэ.

– К кому вы, комиссар?

– К Парандону.

– Лифт или левая лестница. Второй этаж.

В глубине был виден двор, машины, гаражи, низкие постройки, бывшие когда-то, должно быть, конюшнями. Перед тем как подняться по мраморной лестнице, Мегрэ машинально выколоти́л трубку о каблук.

Когда он позвонил в единственную на этаже дверь, перед ним мгновенно возник дворецкий в белой куртке – будто подкарауливал.

– Я к месье Парандону... У нас встреча...

– Сюда, комиссар.

Дворецкий с достоинством взял у него шляпу и провел в библиотеку, какой Мегрэ в жизни не видел. Стены длинной комнаты с высоким потолком сплошь сверху донизу были уставлены книжными полками. Выделялся лишь мраморный камин, на котором стоял бюст мужчины средних лет. Все тома были в отличных переплетах, чаще всего красных. Из мебели в комнате ничего не было, кроме длинного стола, двух стульев и одного кресла.

Мегрэ с удовольствием пробежал бы взглядом книжные полки, но к нему уже направлялась молодая секретарша в очках:

– Позвольте, я провожу вас, месье комиссар.

Сквозь окна в три метра высотой в комнату врвалось солнце, играло на плюше, мебели, картинах. Начиная с коридора, повсюду были расставлены старинные столики с гнутыми ножками, стильная мебель, бюсты, портреты знатных господ в костюмах разных эпох.

Молодая девушка толкнула светлую дубовую дверь, и мужчина, сидевший за письменным столом, тут же поднялся навстречу гостю. Он был тоже в очках с очень толстыми стеклами.

– Спасибо, мадемуазель Ваг.

Хозяину пришлось проделать довольно длинный путь, поскольку кабинет был таким же просторным, как библиотека и приемная. И здесь стены были заставлены книжными шкафами, висело несколько портретов, и солнце делило комнату на светлые и темные ромбы.

– Вы даже не представляете, как я рад видеть вас, месье Мегрэ...

Он протянул руку, маленькую белую руку – пухлую, словно без костей. По контрасту с обстановкой человек казался еще меньше, чем был на самом деле: миниатюрное, почти хрупкое и необычно подвижное существо. Но нет, худошавым его, пожалуй, назвать было нельзя. Напротив того, он казался скорее округлым, и все-таки ощущение невесомости, хрупкой неустойчивости оставалось.

– Проходите сюда, прошу вас... Пожалуйста, садитесь, где вам удобнее!

И он указал на рыжеватое кожаное кресло у письменного стола.

– Думаю, здесь будет лучше всего... Я ведь туговат на ухо.

И верно сказал Бувье, что Парандон – человек без возраста. В его голубых глазах, во всем облике сквозило что-то детское, и он прямо с восхищением смотрел на комиссара.

– Вы даже не представляете, как часто я думал о вас... Когда вы ведете очередное дело, я пожираю огромное количество газет, чтобы ничего не упустить... Можно даже сказать, что я слежу за вашими выводами в расследовании.

Мегрэ чувствовал себя неловко. Он свыкся в конце концов с любопытством публики, но энтузиазм такого человека, как Парандон, явно его смущал.

– Я делаю выводы, какие на моем месте сделали бы все и каждый.

– Каждый, может быть... Но понятия «все» не существует... Это миф... А вот уголовный кодекс, судьи, присяжные – это уже не миф. И те же самые присяжные, которые еще вчера были как все, сегодня, попадая в зал заседаний, становятся совсем иными.

На Парандоне был темно-серый костюм. И оттого, что этот маленький человек был одет в темное, он выглядел еще нелепей за огромным письменным столом. И все же он не казался смешным. И совсем не наивное выражение скрывалось в его взгляде за толстыми очками.

В школьные годы Парандон, быть может, страдал оттого, что его называли недомерком, но потом смирился и теперь ходил на добродушного гнома, который должен сдерживать свою порывистость.

– Можно задать вам нескромный вопрос?... В каком возрасте вы стали понимать людей?... Я имею в виду тех, кого называют преступниками...

Зардевшись от смущения, Мегрэ пробормотал:

– Не знаю... Я даже не уверен, что понимаю их...

– Как же!.. Что вы!.. И они это прекрасно чувствуют... Это, если хотите знать, одна из причин, побуждающих к признанию...

– Но ведь так бывает и у моих коллег.

– Я мог бы доказать обратное, напомнив вам немало фактов, но не буду вам надоедать...

Вы учились на медицинском, не так ли?

– Да, но только два года...

– Судя по тому, что я читал, вам пришлось после смерти отца бросить занятия и перейти на службу в полицию.

Положение Мегрэ становилось все более и более щекотливым, почти смешным. Ведь он явился сюда, чтобы задавать вопросы, а вместо этого допрашивали его самого.

– Эта перемена не говорит о вашем двойном призвании, – продолжал Парандон, – а скорее о разных воплощениях одной и той же личности. Простите меня... Я буквально с ходу на вас набросился... Но я ожидал вас с таким нетерпением... Я готов был бежать к двери, как только услышал ваш звонок, но жена была бы недовольна, она старается соблюдать этикет.

Последние слова он произнес полупшепотом и, указывая на портрет, на котором во весь рост был изображен важный чиновник в судейской мантии, выдохнул:

– Мой тесть...

– Председатель кассационного суда Гассен де Болье.

– Вы знаете?

Теперь Парандон казался Мегрэ настолько ребячливым, что он предпочел признаться:

– Перед тем как прийти к вам, я навел справки...

– Вам отзывались о нем плохо?

– Говорили, будто это был видный деятель...

– Вот-вот! Видный деятель!.. Вы читали труды Анри Эя?..

– Просматривал его учебник психиатрии.

– А Санжэ?.. Леви-Валанси?.. Максвелла?..

И он указал рукой на книжную полку, на которой красовались эти авторы – психиатры, никогда не занимавшиеся морским правом. Мегрэ успел заметить на корешках книг и другие имена; фамилии одних встречались ему в Известиях Международного общества криминологии, работы других ему действительно доводилось читать. Лагаш, Рюиссан, Жениль-Перрен...

– Вы не курите? – вдруг спросил с удивлением хозяин. – А я-то считал, что у вас всегда в зубах трубка.

– Если позволите...

– Чего бы вам предложить? Коньяк у меня заурядный, зато арманьяк сорокалетней выдержки.

Он быстро подошел к стене, где между рядами книг был бар. Там стояло десятка два бутылок и рюмки разных размеров.

– Спасибо... Но совсем немножко...

– Моя жена разрешает мне один глоток, да и то лишь в торжественных случаях. Она считает, что у меня слабая печень. И вообще, послушать ее, так у меня нет ни одного здорового органа...

Парандона это забавляло. Он говорил без всякой горечи.

– За ваше здоровье! Если я задавал вам нескромные вопросы, то только потому, что очень интересуюсь шестьдесят четвертой статьей уголовного кодекса, которую вы знаете лучше меня.

И правда, Мегрэ знал ее наизусть, часто вспоминал и без конца к ней возвращался.

«Нет ни преступления, ни проступка, если во время совершения деяния обвиняемый был в состоянии безумия или если он был принужден к тому силой, которой он не мог противостоять».

– Что вы об этом думаете? – спросил гном, наклонившись к Мегрэ.

– Предпочитаю не быть судьей, и это избавляет меня от необходимости судить...

– Вот это мне и хотелось от вас услышать... Когда в вашем кабинете находится обвиняемый или подозреваемый в преступлении, способны ли вы определить ту долю виновности, которая может быть ему вменена.

– Очень редко... Психиатры впоследствии...

– В этой библиотеке я собрал труды психиатров. В старину чаще всего отвечали: «Вино-вен» – и удалялись со спокойной совестью. Но перечитайте, например, Анри Эя...

– Знаю...

– Вы говорите по-английски?

– Очень плохо.

– Знаете, что они называют «хобби»?

– Да... Времяпрепровождение... Неоплачиваемая деятельность... Мания...

– Так вот, месье Мегрэ, мое хобби или, как некоторые говорят, моя мания – это статья шестьдесят четыре... Занимаюсь ею не я один... И эта знаменитая статья содержится не только во французском кодексе... Сформулированная несколько иначе, она существует и в кодексе США, и в английском, и в германском, и в итальянском...

Парандон все больше оживлялся. Его бледное лицо порозовело. С поразительной энергией он размахивал своими пухлыми ручками.

– Таких, как я, тысячи, что я говорю – десятки тысяч, и мы поставили своей задачей изменить эту постыдную шестьдесят четвертую статью, этот пережиток минувших времен. Речь здесь идет не о тайном обществе. В большинстве стран существуют официальные группировки, журналы, газеты... И знаете, что нам отвечают?..

И чтобы пояснить, кто отвечает, он вопросительно взглянул на портрет тестя:

– Нам говорят: «Уголовный кодекс составляет единое целое. Если вы замените в нем хотя бы один камешек, все здание может рухнуть...» И нам возражают: «Если действовать по-вашему, то не судье, а врачу будет предоставлено право решать...»

Я мог бы говорить об этом часами. Я посвятил этому вопросу много статей, и если это не будет с моей стороны дерзостью, я попрошу мою секретаршу вам их переслать... Вы знаете преступников, если можно так выразиться, из первых рук... Для судьи же это только существа, которых почти автоматически подводят под ту или иную статью. Вы меня понимаете?

– Конечно...

– За ваше здоровье...

Он перевел дыхание и, казалось, сам был поражен, что так разошелся.

– Ведь мало с кем я могу говорить настолько откровенно... Вас это не шокирует?

– Нисколько...

– Ба, да ведь я даже не спросил, зачем вы хотели меня видеть... Я был в таком восторге от предстоящей встречи, что об этом даже не подумал... – И с иронией в голосе добавил: – Надеюсь, речь идет не о морском праве?

Мегрэ вытащил из кармана письмо:

– Это послание я получил сегодня утром по почте. Оно без подписи, и я вовсе не уверен, что послано из вашего дома... Я только прошу вас внимательно с ним ознакомиться...

Как ни странно, адвокат стал прежде всего ощупывать бумагу, как если бы у него было особенно развито чувство осязания.

– Похоже, что моя... Такую легко не найдешь... В последний раз я просил своего гравера заказать у фабриканта...

– Это-то обстоятельство и привело меня к вам.

Парандон сменил очки, скрестил свои короткие ножки и стал читать, шевеля губами, а иногда бормоча отдельные слоги: «Скоро должно произойти убийство... Быть может, его совершит человек, которого я знаю, а может быть, и я сам...»

Он внимательно перечел этот абзац.

– Можно сказать, что тщательно подбиралось каждое слово, не так ли?

– И мне так показалось.

«...Она в каком-то смысле неизбежна...»

– Эта фраза мне нравится меньше. Она слишком цветиста. – Потом, возвращая листок Мегрэ и снова сменив очки, произнес: – Любопытно...

Этот человек не любил громких фраз и не терпел напыщенности. Любопытно... Этим и ограничивались его комментарии.

– Меня поразила одна деталь, – пояснил Мегрэ. – Автор письма называет меня не просто комиссаром, как это делает большинство, а моим официальным титулом: «Господин дивизионный комиссар».

– Я об этом тоже подумал. Вы поместили объявление?

– Да. Сегодня вечером оно появится в «Монд», а завтра утром в «Фигаро».

Странно, что Парандон не был удивлен или, во всяком случае, не показывал виду. Он глядел в окно на узловатый ствол каштана, как вдруг его внимание привлек легкий шум. Но и это его не удивило, и, повернувшись к двери, он пробормотал:

– Входи, дорогая...

И, поднимаясь, добавил:

– Знакомься: комиссар Мегрэ собственной персоной.

Это была женщина лет сорока, элегантная, со стремительными движениями и быстрыми глазами. Коротким, цепким взглядом она окинула комиссара с головы до ног. И будь даже где-нибудь на его левом ботинке небольшое пятнышко, оно не ускользнуло бы от ее внимания.

– Я очень рада, комиссар... Надеюсь, вы пожаловали к нам не для того, чтобы арестовать моего мужа? С его слабым здоровьем вам сразу бы пришлось определить его в тюремную больницу...

В ее словах не чувствовалось подвоха. Она сказала это без злобы, с игривой улыбкой, но все же сказала.

– Речь идет, конечно, о ком-нибудь из наших слуг?

– Никаких жалоб я не получал. И, кроме того, это входит в компетенцию полицейского участка вашего района.

Она сгорала от нетерпения узнать причину его визита. Парандон понимал это не хуже, чем Мегрэ, но оба, словно забавляясь, не сделали и малейшего намека.

– Вам понравился наш арманьяк?

Она внимательно поглядела на рюмки.

– Надеюсь, дорогой, ты выпил капельку? – Она была в светлом, уже весеннем костюме. – Итак, господа, не буду вам мешать... Хочу только предупредить тебя, дорогой, что я вернусь не раньше восьми... После семи ты можешь застать меня у Гортензии.

Она вышла не сразу и, пока мужчины молча стояли, обошла комнату, подвинула на круглом столе пепельницу и поставила на место снятую с полки книгу.

– Прощайте, месье Мегрэ... Верьте мне, я была счастлива с вами познакомиться... Вы удивительно интересный человек...

Дверь закрылась. Парандон снова сел, выждал минутку, словно жена могла вернуться, и наконец засмеялся, как ребенок:

– Вы поняли?

Мегрэ не знал, что ответить.

– Вы удивительно интересный человек. Она в бешенстве оттого, что вы ничего не сказали о ее платье, в особенности о том, что она молодо выглядит. Больше всего ее порадовало бы, если бы ее приняли за нашу дочь.

– А у вас есть дочь?

– Да. Восемнадцати лет. Сдала на бакалавра и теперь занимается археологией. Известно, как долго продлится это увлечение... В прошлом голу, например, ей захотелось стать лаборанткой. Я вижу ее очень редко, только за столом, да и то лишь в тех случаях, когда она

соизволит откушать с нами... Есть у меня еще сын, Жак. Ему пятнадцать лет, учится в четвертом классе в лицее Расина. Вот и вся моя семья.

Он говорил с удивительной легкостью, будто все это не имело никакого значения. Казалось, он потешался над самим собой.

– Впрочем, я отнимаю у вас время. Так вот, насчет письма... Возьмите с собой образец моей почтовой бумаги... Ваши эксперты смогут установить идентичность, но я заранее уверен в результате.

Он нажал кнопку, подождал, потом повернулся к двери:

– Мадемуазель Ваг, принесите, пожалуйста, конверт. Из тех, что мы посылаем поставщикам. – И пояснил: – Мы расплачиваемся с поставщиками в конце каждого месяца. Было бы слишком официально вкладывать чеки в маркированные конверты. Для этой цели мы пользуемся обычными белыми конвертами.

Молодая девушка принесла образец.

– Вы сможете и это сравнить. Если совпадут и бумага, и конверт, у вас будет почти полная уверенность, что письмо отправлено отсюда...

Казалось, это его не слишком тревожило.

– Вы не видите никакой причины, которая могла бы побудить кого-нибудь написать это письмо?

Парандон посмотрел на Мегрэ сначала с удивлением, потом немного разочарованно:

– Причины? Вот не ожидал от вас этого вопроса, месье Мегрэ. Но я понимаю, вы должны были его задать... Причины... Безусловно, они есть у каждого, сознательно или безотчетно...

– Сколько человек живет в этой квартире?

– Постоянно не очень много... Ну, конечно, жена и я...

– У вас у каждого свои комнаты?

– Как вы угадали?

– Не знаю... Я задал вопрос, не думая...

– Мы действительно живем в разных комнатах. Моя жена любит поздно ложиться и утром долго валяется в постели, а я птаха ранняя. Впрочем, если хотите, можете осмотреть всю квартиру... Должен вам сказать, что я ее не выбирал и оставил все как было. Когда мой тесть, – он снова взглянул на портрет председателя кассационного суда, – вышел в отставку и поселился в Вандее, дочери устроили нечто вроде семейного совета. Их четыре, и все замужем... Был произведен предварительный дележ наследства, и моей жене досталась эта квартира со всем содержимым, включая отцовский портрет и бюсты.

Он не смеялся, даже не улыбался, но при этом чувствовалась ирония.

– Одна из сестер получит усадьбу в Вандее, в Буванском лесу. Две другие разделят ценные бумаги... Гассены де Болье унаследовали от предков значительное состояние, так что на всех хватит... Итак, я живу не совсем у себя, а скорее у тестя, и лично мне принадлежат только книги, мебель в моей спальне да еще этот письменный стол...

– Ваш отец ведь жив, не так ли?

– Да, он живет совсем рядом, на улице Миромениль, в квартире, где решил провести остаток своих дней. Вот уже тридцать лет, как он вдовец. Отец был хирургом...

– Знаменитым хирургом...

– Вон что! Вы и это знаете? Следовательно, вам также известно, что он испытывал страсть не к шестидесяти четвертой статье, а к женщинам... Наша прежняя квартира была такой же просторной, как эта, но намного современнее... На улице Агессо... Теперь там живет мой брат, невропатолог, с женой... Так вот, возвращаясь к нашей семье... Я вам уже говорил о моей дочери Полетте и сыне Жаке... Заметьте себе, если хотите заслужить ее расположение, что

Полетта заставляет всех называть ее Бэмби, а брата своего упорно называет Гюсом...² Думаю, что это пройдет... Впрочем, большого значения это не имеет...

Перейдем теперь к людям, как сказала бы моя жена. Вы уже видели Фердинанда, дворецкого. Фамилия его – Фошуа... Родом он из Берри, откуда и моя семья... Старый холостяк... Комната его в глубине двора, над гаражом... Лиза, горничная, живет у нас постоянно, а мадам Маршан приходит каждое утро убирать квартиру... Да, я еще не назвал мадам Вокен, кухарку. Муж у нее кондитер, она живет своим домом. И каждый вечер после работы торопится... Вы не записываете?

Мегрэ только улыбнулся, потом встал и подошел к пепельнице, достаточно большой, чтобы можно было выколотить трубку.

– Теперь перейдем, если можно так выразиться, к моему штату, – продолжал Парандон. – Вы видели мадемуазель Ваг... Это ее настоящая фамилия, и ей она не кажется смешной³. Я всегда называю секретарей по фамилии... Она никогда ничего не рассказывает о своей личной жизни, и если бы понадобился ее адрес, пришлось бы заглянуть в досье... Я знаю только, что домой она ездит на метро и никогда не возражает, если я ее задерживаю до вечера на работе... Лет ей, должно быть, двадцать четыре или двадцать пять, и она почти не бывает в дурном настроении... Есть у меня помощник, стажер, очень честолюбивый молодой человек по имени Рене Тортю. Его кабинет в конце коридора. Остается еще наш писец, так мы его называем, молодой человек лет двадцати. Он недавно приехал из Швейцарии, мечтает о поприще драматурга, а пока выполняет различные мелкие поручения... Нечто вроде рассыльного.

Когда мне поручают какое-нибудь дело – а я занимаюсь делами только очень крупными, где на карту ставятся миллионы, если не сотни миллионов, – мне приходится работать неделю, а то и несколько недель сутками напролет... После этого все входит в обычную колею, и у меня появляется досуг, чтобы...

Он покраснел и улыбнулся.

– ...чтобы заняться, как вы догадываетесь, нашей шестьдесят четвертой статьей... Надеюсь, вы мне когда-нибудь изложите ваши соображения на этот счет, а пока я распоряжусь, чтобы вам разрешили бывать в нашем доме, сколько вам будет угодно, и отвечали бы откровенно на все ваши вопросы...

Мегрэ с недоумением смотрел на Парандона, стараясь понять, кто же он в действительности: изощренный актер или, напротив того, несчастный человек, находящий утешение в тонком юморе.

– Я приду скорее всего завтра утром, но вас не потревожу.

– В таком случае, вероятно, вас побеспокою я.

Они попрощались, и комиссару показалось, будто он пожал руку ребенка.

– Спасибо за прием, месье Парандон.

– Благодарю вас за визит, месье Мегрэ.

Адвокат семенящей походкой проводил его до самого лифта.

² Гюс – уменьшительное от Гюгюс. Так французские дети называют клоуна.

³ Vague (*фр.*) – расплывчатый, неясный.

Глава 2

Мегрэ снова увидел солнце и почувствовал аромат первых весенних дней, хотя уже пахло пылью. Ангелы-хранители Елисейского дворца по-прежнему прогуливались с равнодушным видом, легким кивком давая понять, что узнали комиссара.

На углу старуха продавала сирень, пахнувшую загородными садами, и Мегрэ едва удержался, чтобы не купить несколько веток. Хорош бы он был, явившись с букетом на набережную Орфевр.

Комиссар испытывал удивительное облегчение. Он вырвался из чуждого ему мира. Двигаясь в потоке прохожих по тротуару, он все еще видел себя в роскошной квартире, где витала тень важного чиновника, который когда-то устраивал там чопорные приемы.

Недаром же Парандон, словно для того, чтобы Мегрэ не чувствовал себя стесненным, выразительно подмигнул ему, давая этим понять: «Не принимайте всерьез. Это все декорация. Даже морское право – баловство, одно притворство...»

И он заговорил о своей шестьдесят четвертой статье, которая-де интересует его больше всего на свете. Тоже, видимо, игра.

Если только Парандон не плут. Во всяком случае Мегрэ проникся симпатией к этому гному-попрыгунчику, который пожирал его глазами, будто никогда в жизни не видел комиссара сыскной полиции.

Он воспользовался хорошей погодой, чтобы спуститься по Елисейским Полям до площади Согласия, где наконец сел в автобус. Открытой площадки в автобусе не оказалось, поэтому пришлось погасить трубку, пройти внутрь и сесть на скамейку.

Мегрэ вернулся в сыскную полицию как раз в тот час, когда обычно подписывались бумаги, и за каких-нибудь двадцать минут справился с этой обязанностью. Жена очень удивилась, когда в шесть часов вечера он уже вернулся домой, да к тому же в отличном настроении.

– Что сегодня на обед?

– Я думала приготовить...

– Ничего не нужно. Пообедаем в городе.

Где угодно, только не дома. День выдался необычный, и хотелось так же необычно провести вечер.

Темнело теперь позже. День заметно прибавился. Они нашли в Латинском квартале ресторан с застекленной верандой, где от жаровни приятно веяло теплом. Ресторан славился дарами моря, и Мегрэ попробовал всего понемножку, даже морских ежей, доставленных несколько часов назад самолетом с юга.

Жена поглядела на него с улыбкой:

– Можно подумать, что ты доволен сегодняшним днем.

– Так оно и есть. Я познакомился со странным субъектом. Странный дом... Странные люди...

– Преступление?

– Неизвестно... Пока оно еще не произошло, но может произойти не сегодня завтра...

И если это случится, я окажусь в идиотском положении.

Мегрэ редко говорил с женой о делах, которые вел. Чаще она узнавала подробности из газет и по радио, чем от мужа. Но на этот раз он не устоял перед желанием показать ей письмо.

Они ели жареную барабульку, запивая выдержанным «Пуйи», аромат которого разносился вокруг. Затем им подали десерт.

– На, прочитай!

Возвращая листок, мадам Мегрэ с удивлением взглянула на мужа:

– Это писал мальчик?

– В доме действительно есть мальчик. Я его еще не видел... Но там есть мальчики и постарше, мальчики под сорок и под пятьдесят.

– Ты веришь тому, что здесь написано?

– Кому-то понадобилось, чтобы я проник в дом. Иначе бы не воспользовались почтовой бумагой, которую можно во всем Париже найти только в двух магазинах.

– Если он замышляет преступление...

– Он не говорит, что замышляет преступление. Он пишет, что пока ему неизвестно, кто будет виновником.

На этот раз мадам Мегрэ не приняла дело всерьез:

– Вот увидишь, это тебя разыгрывают...

Мегрэ заплатил по счету. Погода была такой чудесной, что они нарочно сделали круг, чтобы пройти через остров Сен-Луи.

На улице Сент-Антуан он снова увидел сирень и на этот раз вернулся домой с букетом.

На следующее утро солнце светило так же ярко и воздух был не менее прозрачен, но этого уже никто не заметил. Люка, Жанвье и Лапуэнт, каждый со своим донесением, уже дожидались комиссара в кабинете, но Мегрэ, войдя, прежде всего стал рыться в гряде почты.

Он совсем не был уверен, что найдет письмо. Ведь объявление в «Монд» появилось только вчера вечером и лишь сегодня утром могло попасть на страницы «Фигаро».

– Есть! – воскликнул он, помахивая письмом в воздухе.

Тот же конверт, те же старательно выведенные печатные буквы, та же отрезанная сверху почтовая бумага.

Но теперь его больше не называли дивизионным комиссаром и тон был совсем другой.

Вы допустили оплошность, месье Мегрэ, посетив дом до получения моего второго письма. Они все переполошились, и это грозит ускорить события. Теперь преступление может совершиться с часу на час, и в этом будет отчасти и Ваша вина.

Я считал Вас более терпеливым, более рассудительным. А Вы вообразили, что за несколько часов сможете проникнуть в тайны семьи.

Шлю вам наилучшие пожелания и, несмотря ни на что, не перестану Вами восхищаться.

Трое помощников, стоявшие рядом, прекрасно поняли, как сконфужен Мегрэ, когда он нехотя протянул им листок. Но еще больше поразила их развязность, с какой анонимный автор обращался к их патрону.

– А вы не подумали, комиссар, что какой-то мальчишка решил позабавиться?

– То же самое сказала мне вчера вечером жена.

– А вам как кажется?

– Нет...

Мегрэ не верил, что это грубая шутка. Но с другой стороны, ничего тревожного в доме он не ощутил. Все было размеренно, чинно, упорядоченно. Дворецкий принял его со спокойным достоинством. Секретарша с забавной фамилией оказалась живой и симпатичной. Что касается Парандона, то, вопреки своей странной внешности, он выглядел человеком жизнерадостным.

Но ведь и Парандон не принял это за шутку. И совсем не протестовал против вторжения полиции в его частную жизнь. Он непринужденно беседовал на самые различные темы, много говорил о шестьдесят четвертой статье. Как знать, не мучила ли его затаенная тревога?

Во время утреннего рапорта Мегрэ и словом не обмолвился о Парандоне. Он понимал, что его коллеги только пожали бы плечами, решив, что он занимается бессмысленным делом.

– А у вас какие новости, Мегрэ?

– Жанвье вот-вот должен задержать убийцу почтальонши... Мы почти уверены, что это он, но решили выждать, чтобы выяснить, был ли тут сообщник... Подозреваемый живет с молодой женщиной, она беременна...

Текучка. Обычные дела. Рутина.

Часом позже, переступив порог дома на улице Мариньи, где швейцар в галунах поздоровался с ним через застекленную дверь привратницкой, он очутился в другом мире.

Дворецкий Фердинанд, беря из его рук шляпу, спросил:

– Вам угодно, чтобы я предупредил месье Парандона?

– Не нужно. Проводите меня в комнату секретарши.

Мадемуазель Ваг! Вот! Наконец-то он вспомнил ее фамилию. Она занимала маленькую комнату, заставленную стеллажами с зелеными папками для бумаг. Мегрэ застал ее за электрической пишущей машинкой последней модели.

– Вы хотели со мной поговорить? – спросила она без всякого смущения.

Девушка встала, огляделась и указала на стул у окна, выходящего во двор.

– К сожалению, здесь нет кресла. Может быть, пройдем в библиотеку или гостиную?

– Я предпочел бы остаться здесь. – Откуда-то доносился шум электрического пылесоса.

В одном из кабинетов тоже стрекотала пишущая машинка. Какой-то мужчина разговаривал по телефону. Комиссар по голосу определил, что это был не Парандон:

– Конечно, конечно... Я вас прекрасно понимаю, дорогой друг, но закон есть закон, даже если иногда он противоречит здравому смыслу... Конечно, я ему об этом говорил... Нет, он не может вас принять ни сегодня, ни завтра... Впрочем, это ничего бы не изменило.

– Месье Тортю? – спросил Мегрэ.

Девушка кивнула. В соседней комнате говорил стажер. Мадемуазель Ваг плотно закрыла дверь, и голос умолк, словно выключили радио. Из окна было видно, как шофер в голубом комбинезоне мыл из шланга «роллс-ройс».

– Это машина месье Парандона?

– Нет, перуанцев, жильцов с третьего этажа.

– А у месье Парандона тоже есть шофер?

– Да, без шофера ему не обойтись. С таким зрением невозможно водить машину.

– А какая у него машина?

– «Кадиллак»... Мадам ею пользуется чаще, чем он, хотя у нее есть свой собственный маленький английский автомобиль. Вам не мешает шум? Может быть, закрыть окно?

Нет. Водяная струя была частью всего, что его здесь окружало, всей атмосферы этого дома, весны.

– Вы знаете, почему я к вам пришел?

– Я знаю только, что все мы в вашем распоряжении и должны отвечать на ваши вопросы, даже если они покажутся нам нескромными...

Мегрэ опять достал из кармана первое письмо. Когда он вернется на набережную Орфевр, нужно будет непременно снять фотокопию, а то оно в конце концов совсем истреплется.

Пока девушка читала, Мегрэ изучал ее лицо, которое не портили очки в черепаховой оправе. Она не была красива в обычном смысле этого слова, но миловидна. Особенно привлекательными казались пухлые улыбчивые губы со вздернутыми уголками.

– Так вот оно что!.. – сказала она, возвращая письмо.

– Что вы об этом думаете?

– А что думает месье Парандон?

– То же, что и вы.

– Что вы этим хотите сказать?

– Что он удивился не больше, чем вы.

Она силилась улыбнуться, но чувствовалось, что удар попал в цель.

– А я должна была удивиться?

– Когда сообщают, что в доме скоро может произойти убийство...

– Но ведь это может произойти в любом доме, не так ли? Полагаю, что человек, перед тем как совершить преступление, ведет себя так же, как другие, в противном случае...

– В противном случае мы задерживали бы будущих убийц заранее. Это несомненно...

А ведь здорово, что это пришло ей в голову! За долгие годы работы немногим людям из тех, с кем Мегрэ имел дело, приходила в голову эта простая мысль.

– Я дал объявление. Сегодня утром я получил второе письмо.

И он протянул ей второй листок. Девушка прочитала его с таким же вниманием, но на этот раз уже с явным беспокойством.

– Я начинаю понимать, – прошептала она.

– Что?

– Что вы встревожились и решили сами взяться за расследование этого дела.

– Позвольте закурить?

– Прошу вас. Здесь даже и мне разрешено, а в других комнатах нет.

Она закурила сигарету, непринужденно, без аффектации, присущей большинству женщин. Чувствовалось, что мадемуазель Ваг курит просто для разрядки. Она немного откинулась назад на своем вертящемся стуле, стоявшем перед пишущей машинкой. Ее комната совсем не походила на кабинет. Если стол для пишущей машинки был металлическим, то рядом стоял другой – красного дерева, очень красивый, в стиле Людовика XIII.

– А что, молодой Парандон озорник?

– Гюс? Вот уж совсем не озорник. Он умный, но замкнутый. В лицее он всегда первый, хотя никогда не учит уроков.

– Чем увлекается?

– Музыкой и электроникой... Устроил у себя в комнате настоящий радиокотбайн с магнитофоном, со стереофоническими динамиками, выписывает целую кучу научных журналов. Вот, посмотрите, это только сейчас доставили утренней почтой. Я отношу их к нему в комнату... «Электроника завтра».

– Часто он уходит из дому?

– По вечерам я здесь не бываю. Думаю, что нет.

– А друзья у него есть?

– Иногда заходит один приятель. Они вместе слушают музыку и делают какие-то опыты.

– В каких отношениях он с отцом?

Вопрос несколько озадачил ее. Немножко подумав, она ответила с виноватой улыбкой:

– Не знаю даже, что вам сказать. Я уже пять лет работаю у месье Парандона. Это мое второе место в Париже...

– А где было первое?

– В торговом доме на улице Реомюра. Там я чувствовала себя несчастной. Работа меня совсем не интересовала...

– Кто вас сюда порекомендовал?

– Рене... Я хочу сказать, месье Тортю... Он сказал мне, что здесь есть место...

– Вы его хорошо знаете?

– Мы ужинаем в одном и том же ресторане, на улице Коленкур.

– Вы живете на Монмартре?

– Да. На площади Константэн-Пекэр.

– Тортю был вашим дружкой?

– Прежде всего, рост у этого «дружка» около двух метров... Кроме того, между нами ничего не было, если не считать одного раза...

– Одного раза?

– Я получила указание быть с вами предельно откровенной.

– Почему вы больше к этому не возвращались?

– Мы не подходим друг другу, мы это сразу почувствовали... В общем, не сошлись... Но мы остались в приятельских отношениях.

Мегрэ медленно курил трубку, пытаясь проникнуть в этот мир, который еще вчера был для него совсем чужим и так внезапно вторгся в его жизнь.

– Раз уж мы коснулись этой темы, мадемуазель Ваг, позвольте вам задать еще один нескромный вопрос. Вы живете с Парандоном?

У нее была своя манера держаться. Сначала она внимательно, с серьезным видом выслушивала вопрос, потом, немного поразмыслив, отвечала с иронической и в то же время доверчивой улыбкой.

– В известном смысле, да. У нас бывают минуты близости, но всегда урывками.

– Тортю это знает?

– Разговора у нас не было, но он должен догадываться.

– Почему?

– Когда вы здесь освоитесь, то поймете. Сколько людей бывает здесь за день! Месье и мадам Парандон, двое детей. Это уже четверо... Три человека в конторе у месье – семеро... Фердинанд, кухарка, горничная, уборщица – одиннадцать человек... Не считая массажиста мадам, который приходит по утрам четыре раза в неделю... Потом ее сестры... Подруги дочери... Хоть комнат в квартире много, но все равно, куда ни пойдешь – на кого-нибудь наткнешься... А у меня тут и говорить нечего...

– Почему?

– Потому что ко мне каждый приходит за бумагой, за марками, за скрепками... Если Гюсу требуется бечевка, он роется в моих ящиках... Бэмби нужны то марки, то клейкая лента... Что касается мадам...

Мегрэ смотрел на нее с любопытством, ожидая продолжения.

– Она вездесуща... Правда, она частенько отлучается, но никогда не знаешь, дома она или нет... Вы заметили, что все коридоры и большинство комнат обиты трипом... Шагов не слышно... Вы сидите, и вдруг дверь распахивается, кто-то входит... Иногда мадам заглянет в мою дверь и тут же, будто ошиблась, говорит: «Ах, простите!»

– Она любопытна?

– Скорее взбалмошна... Если только это не мания...

– Она никогда не заставляла вас с мужем?

– Не уверена... Однажды, перед Рождеством, когда мы думали, что она у парикмахера, мадам вошла в довольно неподходящий момент... Мне кажется, мы успели привести себя в порядок. Я так думаю, но полной уверенности у меня нет... Она держалась как ни в чем не бывало и стала рассказывать мужу о подарке, который только что купила для сына.

– Она не изменила к вам отношения?

– Нет. Она по-прежнему любезна со всеми и держится так, будто парит над нами, как ангел-хранитель... Про себя я ее так и называю.

– Вы ее не любите?

– Себе в подруги я бы ее не выбрала, если вы это имеете в виду.

Прозвенел звонок, и девушка с облегчением встала.

– Простите, меня зовет патрон...

Взяв на ходу блокнот для стенографирования и карандаш, она скрылась за дверью.

Мегрэ остался один и уставился в окно, куда еще не проникало солнце. Шофер протирал теперь «роллс-ройс» куском замши, насвистывая какой-то привязавшийся мотив.

Мадемуазель Ваг не возвращалась, а Мегрэ продолжал сидеть на стуле у окна, не проявляя нетерпения, хотя вообще терпеть не мог ждать. Следовало бы пройтись по коридору, заглянуть в комнату Тортю и Жюльена Бода, но он не мог заставить себя подняться и сидел с полужакрытыми глазами, переводя взгляд с одного предмета на другой.

Стол на тяжелых дубовых ножках, служивший ей для работы, был украшен строгой резьбой. Видимо, раньше он находился в другой комнате. От времени столешница блестела как полированная. Под рукой лежал бежевого цвета бювар с кожаными углами, а в открытой коробке – карандаши, авторучки, резинки и нож-скребок для подчистки помарок. На отдельном столике стояла пишущая машинка, рядом с ней лежал словарь.

Вдруг Мегрэ нахмурил брови, нехотя поднялся и подошел к столу поближе. Он не ошибся. На столе виднелась тонкая бороздка, вероятно след от ножа, которым, должно быть, совсем недавно отрезали полоску бумаги. Рядом с коробкой для карандашей Мегрэ увидел плоскую металлическую линейку.

– Вы тоже заметили?

Мегрэ вздрогнул от неожиданности: он не слышал, как вошла мадемуазель Ваг; она по-прежнему держала в руках блокнот.

– О чем вы говорите?

– Об этой царапине. Что за безобразие портить такой чудесный стол!

– Вы не знаете, кто это мог сделать?

– Любой, кто сюда заходит. Я вам уже говорила, что ко мне ходят все, кому не лень.

Теперь ему не придется искать. Еще накануне он решил осмотреть в доме все столы, так как заметил, что бумага была отрезана очень ровно, словно на машине Массико⁴.

– Если вы не против, месье Парандон хотел бы минутку с вами поговорить.

Мегрэ обратил внимание, что в блокноте ничего не было записано.

– Вы рассказали ему о нашем разговоре?

Она ему ответила без стеснения:

– Да.

– И о том, что мы касались ваших отношений с ним?

– Разумеется.

– Не для этого ли он вас и вызывал?

– Нет. Ему действительно понадобилось получить у меня справку по делу, которое он сейчас ведет.

⁴ Массико – изобретатель машины для подрезывания бумаги по краям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.